

© 2000 г. Р.Ф. КАСАТКИНА

ЮЖНОРУССКОЕ НАРЕЧИЕ. НОВЫЕ ДАННЫЕ

1. При подготовке текстов хрестоматии "Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие" были прослушаны большие массивы магнитофонных записей спонтанной южнорусской речи. В хрестоматии 51 текст. Этот корпус записей представляет все основные группы южнорусского наречия. Длительность каждого текста – от 2 до 7 минут звучания. При составлении лингвистических комментариев к ним часто использовались и более широкие контексты (1–1,5 часа). Таким образом, в общей сложности было прослушано 50 с лишним часов звучания магнитофонных записей. Собранные в хрестоматии звучащие тексты относятся к разным годам – от конца 50-х годов до весны 1999 г.

Ценность записей устной спонтанной диалектной речи может быть сопоставима лишь с ценностью таких речевых памятников, как берестяные грамоты. А.А. Зализняк пишет: «Не подтвердилось представление о берестяных грамотах как о малограмотных (в своей массе) документах. (...) При анализе берестяных грамот оказывается необходимым тот же "уважительный" подход к тексту, что и для памятников книжной письменности» [Зализняк 1986: 217]. Такого же уважительного подхода к текстам заслуживают и записи спонтанной диалектной речи. Из них восстанавливаются как отдельные фрагменты языковой системы, так и система в целом.

Из множества лингвистических наблюдений, сделанных на материале этих магнитофонных записей, для статьи отобраны лишь некоторые. В ней будут рассмотрены следующие вопросы: сохранение /ѣ/ и /ѡ/ в современных говорах и реализация этих фонем; весь комплекс явлений, связанных с аканьем; соотношение рядов шипящих и свистящих, апио-альвеолярные артикуляции в говорах южнорусского наречия и связанные с ними фонетические явления; некоторые синтаксические особенности, имеющие непосредственную связь с фонетикой.

2. Анализ имеющегося в нашем распоряжении звучащего речевого материала показал, что наличие семифонемного вокализма или следы его существования в прошлом в виде особых реализаций этимологических ѣ и ѡ имеют по говорам южнорусского наречия гораздо более широкое распространение, чем это отражено в ДАРЯ [ДАРЯ 1986: карты 40–42]. Согласно нашим данным, в 10% текстов хрестоматии представлен семифонемный вокализм, а в 45% отмечены неединичные следы двух дополнительных фонем. Не свободна от особых реализаций этимологических ѣ и ѡ даже и западная территория южнорусского наречия, что находится в противоречии с устоявшейся в русской диалектологии точкой зрения. Наши наблюдения уточняют общепринятое мнение о том, что семифонемная система вокализма в говорах русского языка – факт только истории, а не современного состояния говоров. Ср. по этому поводу следующее высказывание: "Говоры, обладающие только нелабиализованной (ѐ) или нелабиализованной и лабиализованной (ѐ, ѡ) фонемами верхне-среднего подъема, в настоящее время редки и не образуют сколько-нибудь очерченных территорий, да и в них наличие фонем ѐ и ѡ является как правило принадлежностью архаического слоя говора" [Русская диалектология 1964: 31]. В еще более категорической форме подобное положение было высказано почти через 20 лет в работе [Пожарицкая 1982:

24], где утверждается, что различение четырех фонем среднего подъема – "факт прошлого". Однако магнитофонные записи даже последних лет свидетельствуют о том, что для многих современных русских говоров указанное противопоставление продолжает быть актуальным вплоть до наших дней.

В отдельных говорах встречаются системы с шестифонемным вокализмом, при этом преобладают системы с /ѣ/ (тексты 3, 32, 38, 49), хотя и системы с /ѡ/ также отмечены, например, в тексте 40 из Россошанского р-на Воронежской обл. О существовании шестифонемной системы с /ѡ/ в говорах вокруг Курска писал Г.А. Хабургаев [Хабургаев 1975].

Основные реализации /ѣ/ – [iĕ], [e]; /ѡ/ – [yŏ], [o]. В ряде случаев /ѣ/ реализуется в [и] в позиции перед мягким согласным не только в случаях лексикализации (тексты 1, 6, 7, 23, 27, 32, 43), реже перед твердым согласным (текст 8), что ранее для южнорусских говоров считалось нехарактерным, см., например, [Захарова, Орлова 1970: 76]. В некоторых единичных случаях в качестве рефлексов ѣ выступают гласные пониженного подъема – монофтонг типа [ä] или дифтонг с завершением в виде открытого гласного [ea]. Такие реализации встретились в записях из с. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл. (текст 8), д. Гати Веневского р-на Тульской обл. (текст 24), где позднее такую же реализацию /ѣ/ отметил Д.М. Савинов [Савинов 1999], и в речи старообрядки из штата Орегон (текст 50). Другие примеры такой же реализации /ѣ/ в речи старообрядцев южнорусского происхождения, живущих в штате Орегон (США) и переселившихся туда из Турции в 1960-х годах (так называемых "турчан") см. в [Касаткина, Касаткин 1999: 793]. Однако такие реализации /ѣ/ ни в одном говоре не являются единственными звуковыми воплощениями этой фонемы: они сосуществуют с дифтонгами типа [iĕ] и монофтонгами типа [e] в текстах из всех трех указанных мест. Ниже приведены схемы, иллюстрирующие соотношение по подъему реализаций /e/ и /ѣ/.

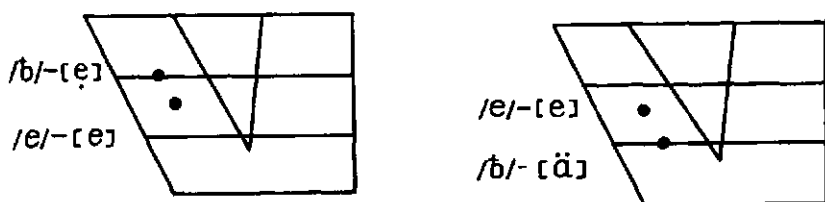

Схема 1

Известно, что противопоставление фонем /o/ – /ѡ/ может строиться на разных фонетических реализациях фонемы /o/ (см. [Высотский 1976: 72–73]). В говорах эта фонема может воплощаться в монофтонге среднего подъема [o] либо средне-нижнего подъема [ɔ]. Схематически это представлено ниже.

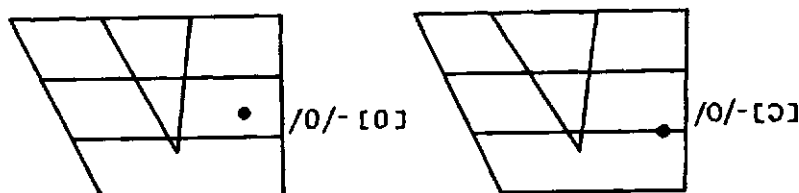

Схема 2

Материал магнитофонных записей свидетельствует о том, что вокалические системы с [o] на месте /o/ проявляют большую устойчивость по сравнению с системами с [ɔ] на месте /o/. Они сохраняются даже в тех случаях, когда в соответствии с фонемой

/ω/ начинает произноситься гласный среднего подъема, как в литературном языке. Вокалическая система в таком случае начинает приобретать следующий вид:

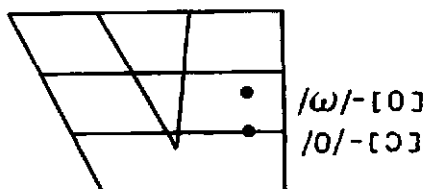

Схема 3

Как можно видеть, несмотря на трансформацию вокалической системы, противопоставление двух фонем заднего ряда продолжает сохраняться.

3. Целый комплекс вопросов связан с характером и распространением аканья на территории южнорусского наречия.

Материал магнитофонных записей свидетельствует о том, что границы распространения диссимильного аканья проходят значительно восточнее, чем это представлено в ДАРЯ [ДАРЯ 1986: карта 1]. Такой тип вокализма отмечен нами не только на западной территории южнорусского наречия, что не удивительно, но и на востоке южнорусского ареала. Так, в целом ряде говоров Тульской группы зафиксировано диссимильное аканье жиздринского типа: по данным Д.М. Савинова в Белёвском и Венёвском р-нах Тульской обл. [Савинов 1999; 2000], по материалам хрестоматии – кроме этих двух районов еще и в Арсеньевском, Ефремовском, Одоевском и Ясногорском р-нах Тульской обл., а также и на территории Рязанской, Воронежской и Тамбовской областей, относящихся к Восточной (Рязанской) группе (см. [Касаткина 1999: 88–89, 92–93, 94, 95, 99–100, 101, 143–145, 156–157, 164 и др.]). Диссимильное аканье жиздринского типа обнаружено также и в говоре русских старообрядцев – переселенцев из Турции, ныне живущих в Ставропольском крае и в штате Орегон США [Касаткина 1999: 176–180, 186–190].

Несколько наблюдений касаются типов диссимильного аканья.

Согласно классификации Т.Ю. Строгановой [Русская диалектология 1964: 38–39; Русская диалектология 1973: 49], кроме широко распространенного жиздринского, или белорусского, типа, существует также модель диссимильного аканья, которую автор называет типом II (см. об этом также [Аванесов 1972: 71]). Все известные, а также предполагавшиеся в начале 1960-х годов модели диссимильного аканья Т.Ю. Строганова представила в таблице. См. ниже.

Гласные под ударением	В 1-м предударном слове после твердых согласных в соответствии с фонемами /а/ и /о/		
	I	II	III
и, у	а	а	а
ѐ, ё		ѐ	
е, о			ѐ
а	ѐ		

В таблице можно видеть три типа диссимильного аканья – два реально существовавших в начале шестидесятых годов и один гипотетический. Тип I – широко распространенный жиздринский, тип III – так называемый архангелский (обоянский), отмеченный в то время в нескольких небольших ареалах на территории Липецкой,

Белгородской и Воронежской областей, и тип II, типологически представляющийся промежуточным между этими двумя, но в то время не зафиксированный с достаточной надежностью ни в одном говоре. Т.Ю. Строганова высказала предположение, что модель II может существовать в некоторых говорах на территории Белгородской области, а именно в Прохоровском, Боброво-Дворском, Чернянском и Волоконовском районах (по-видимому, более достоверными данными в то время Т.Ю. Строганова не располагала) [Русская диалектология 1964: 38–39; Русская диалектология 1973: 50]. В дальнейшем, впрочем, она не отметила этот тип вокализма на составленных ею картах ДАРЯ и никак не упомянула о его существовании в комментариях к этим картам [ДАРЯ 1986: карты 1, 2].

При такой системе предударного вокализма гласный не-а произносится перед всеми ударными гласными, за исключением гласных верхнего подъема. Диссимилятивное аканье этого типа было обнаружено при работе с материалами хрестоматии в записях из Хвастовичского р-на Калужской обл., а также в записи старообрядки А.П. Якиш из штата Орегон¹. Можно считать, что это тип аканья, параллельный донскому яканью. По месту его первоначальной фиксации Т.Ю. Строгановой (Прохоровский р-н Белгородской обл.) этот тип аканья можно условно назвать **прохоровским**. Совершенно очевидно, что необходим дополнительный сбор звучащего диалектного материала в тех районах Белгородской обл., которые были упомянуты Т.Ю. Строгановой в работах 1964 и 1973 гг.

Данные южнорусской хрестоматии также существенно расширяют имеющиеся в диалектологической литературе сведения о таком типе предударного вокализма после твердых согласных, как **арханческое** диссимилятивное аканье. Во-первых, оказалось, что эта модель предударного вокализма распространена значительно шире, чем это отражено в ДАРЯ [ДАРЯ 1986: карта 1]. Согласно нашим данным, этот тип предударного вокализма после твердых согласных представлен во многих говорах Липецкой, Белгородской и Воронежской областей за пределами отмеченных в ДАРЯ ареалов. Эта модель восстанавливается из многих магнитофонных записей, в том числе и из тех, которые были сделаны в последние годы. Во всех этих говорах указанный тип вокализма функционирует как живая фонетическая закономерность, которой подчиняются не только старые, но и новые слова, вошедшие в говор сравнительно недавно, например *к[э]нцёрт*, *в[э]гон*.

Во-вторых, единичные примеры, свидетельствующие о более раннем существовании такого типа вокализма, отмечены в текстах также и на других территориях: например в тульских и калужских говорах. Кроме того, сведения о существовании именно такого типа предударного вокализма после твердых согласных в говорах Ульяновского р-на Калужской области находим в работе [Клейменова 1956: 6]. Следует отметить, что материал для своей диссертации Е.С. Клейменова собирала в 1951–1952 годах, т.е. приблизительно в то же время, что и Т.Ю. Строганова [Строганова 1955].

В-третьих, нами была выявлена и представлена в текстах из Хлевенского района Липецкой обл. особая разновидность арханческого типа аканья — **ассимилятивно-диссимилятивная**, в соответствии с которой [а] произносится не только перед звуками [у], [и], [ы] и гласными, выступающими на месте /ъ/ и /ω/ (принцип диссимиляции), но и перед [а] (принцип ассимиляции) [Касаткина, Щигель 1995]. При такой системе диссимилятивного аканья перед гласными верхнего и нижнего подъема в 1-м предударном слоге произносится [а]: *с[а]ау́*, *с[а]аы́*, *с[а]аѣ́*, *с[а]аѡ́й* и *с[а]аа́*; а перед гласными среднего подъема *э*-образный гласный: *с[э]вѣ́нэ́к*, *с[э]вѡ́к*. В двух последних случаях степень уподобления предударного гласного ударному может быть еще большей, и тогда перед ударным [е] произносится *э*-образный гласный (*с[э³]вѣ́нэ́к*), а перед [о] — *о*-

¹ Расшифровки и комментарии к этим текстам в хрестоматии "Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия Южнорусское наречие" принадлежат Л.Л. Касаткину.

образный ([э°]во́к). Такой тип аканья можно было бы назвать **хлёвевским** – по названию района Липецкой обл., где эта модель ассимилятивно-диссимилятивного аканья была обнаружена впервые.

В свое время Т.Ю. Строганова высказала следующее предположение: «Не исключено (...), что среди говоров (...) могут оказаться “нерасшифрованные” системы диссимилятивного аканья, или же недостаточно выявленные собирателями новые, неизвестные до сих пор разновидности предударного вокализма после твердых согласных» [ДАРЯ. 1986: 84]. Материалы южнорусской хрестоматии в известной мере помогают ликвидировать эти пробелы. Обращение к другим магнитофонным записям из южнорусского ареала, хранящимся в фонотеке Отдела фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, может сделать картину еще более полной.

Возникает вопрос, почему фиксация разных типов диссимилятивного аканья более затруднительна, чем разных типов яканья. Дело в том, что артикуляционный контраст между гласными непереднего ряда [а], [а] и [э] оказывается гораздо менее четко выраженным, чем между гласными переднего ряда [æ], [e] и [и], более удалёнными друг от друга в артикуляционном пространстве. Это наглядно иллюстрирует следующая схема:

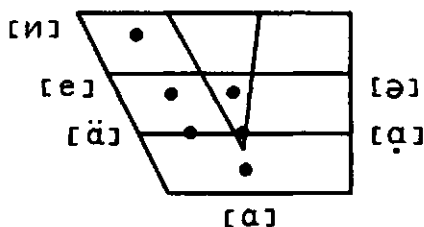

Схема 4

Во всяком случае материал, прослушанный нами и лишь частично содержащийся в звучащей хрестоматии, дает основания утверждать, что ареал диссимилятивного аканья, в том числе и самых архаических его типов, занимает большую часть территории южнорусского наречия.

Особого внимания заслуживает произношение в безударных слогах лабиализованных гласных [э°], [Λ°], [о], которые отмечены с разной частотой во многих южнорусских говорах. Такие гласные произносятся преимущественно (почти без исключений) в соответствии с этимологическим *о*. (Приведенные ниже примеры даются в упрощенной транскрипции, в которой гласные [э°], [Λ°], [о] передаются обобщенно буквой *о*).

После твердого согласного:

1-й предударный слог: *вчорá, сновáли, водóю* (Смол.), *войнá, в онбáры, пошлá, посьня́ли, никому́, в войну́* (Брян.), *брошáить, пошлá, постáвили, по бáнкáм, постáвили, тэру́вали, лошáтка, большáя, сновáли, мисоéт, оттáдэ, пову́жэнáить, попрáдуть* (Калуж.), *урожа́й, посóбдуть, домбóчик, пошóл, покóбрмуть* (Липецк.), *толпéш* (от 'толпа'), *коу́б, полóуджым* (Белгород.), *зэ́юнó* (Курск.), *потóм, постóк* (Рязан.), *у ко́б, нико́б, пэ́росёнэк* (Тамбов.), *пэ́стойáлэ, побы́ла, у ково́, ко́вду́нья, ко́дунья* (Тульск.).

2-й и 3-й предударные слоги: *по дьвинáтцэть, попáлиня́ли* (Брянск.), *побэ́вáить, ю́варáить* (Калуж.), *повалéлси* (Тульск.).

Заударные слоги: *з мáчохóю, трéтё́ю* (Смол.), *дéвочьку, дéвочькэ, в Жéковки* (Брянск.), *вы́рэс-то, како́-нибу́ть* (Калуж.), *мнóю, пóд ю́ру* (Тульск.).

После мягкого согласного:

1-й предударный слог: *брѣхня* (Смол.), *тѣлка, жарѣнца, ничѣю, йою* (Воронеж.), *нѣю, чѣю* (Белгород.); заударный слог: *па-моѣму* (Тульск.).

Произношение [o] на месте /a/: *расстовляим* (Смол.), *эстовляли* (Брян.), *попáшы, руковá* (Калуж.).

Примеры можно разделить на 3 группы в зависимости от позиций:

1) перед ударным *a* (здесь в 1-м предударном слоге представлены реализации как этимологического *o*, так и *a*);

2) перед слогом с ударным лабиализованным гласным (за редкими исключениями). В этой группе представлены только реализации этимологического *o*.

3) в заударных слогах после ударных [o] и [y] или перед следующим слогом с [y].

Произношение [o] в соответствии с /o/ и /a/ перед ударным *a* – факт, известный в русской диалектной фонетике после классической работы Олафа Брока, посвященной говорам к западу от Мосальска [Брок 1916]. Среди примеров, приведенных Броком, в этих говорах [o] в предударных слогах можно обнаружить как на месте /o/, так и на месте /a/: *vodá – trová, bloxá – kobák* [Брок 1916: 55, 61, 75, 102]; об этом см. также [Касаткин 1999: 438–439]. Это явление отмечено в говорах с диссимилятивным аканьем и в ДАРЯ [ДАРЯ 1986: карта 2]. Обнаружено оно было также Е.Г. Буровой и Л.Л. Касаткиным в говорах Чухломского акающего острова [Касаткин 1999: 415].

Примеры, подобные тем, которые попали во 2-ю группу, ранее для южнорусских говоров не отмечались. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что произношение [o] в соответствии с этимологическим *o* наблюдается преимущественно (за редкими исключениями) в слоге перед ударными [o], [y] и [e], что напоминает гдовскую систему вокализма, существующую в определенном ареале говоров Псковской области (см. [Строганова 1962]).

Гласные под ударением

Гласные в 1-м предударном
слоге в соответствии с фоне-
мами /o, ѡ, a/

и(ы), у

o

e('o)

a

a

o a

o a

a

Проблема связи между единичными случаями сохранения произношения [o] в материалах хрестоматии с системой гдовского вокализма требует дальнейших исследований. По нашим данным, следы гдовской модели вокализма отмечаются на фоне диссимилятивного аканья в разных его разновидностях. Последнее же фундаментальное исследование В.Н. Чекмонаса показывает, что в псковских говорах гдовское оканье соседствует с сильным, но отнюдь не с диссимилятивным аканьем [Чекмонас 1999].

Примеры из третьей группы свидетельствуют о возможности сохранения лабиализованного звука в условиях прогрессивной или регрессивной межслоговой ассимиляции гласных. Подобные примеры приведены и в [Касаткин 1999: 415].

Во многих говорах, магнитофонные записи из которых были проанализированы, наблюдается отсутствие параллелизма между системами предударного вокализма после твердых и после мягких согласных: в одном и том же говоре могут сосуществовать диссимилятивное аканье *прохоровского* типа и *йканье*, диссимилятивное аканье *жиздринского* типа и диссимилятивное *яканье суджанского* или *задонского* типов. **Сильное аканье** может сочетаться с **яканьем новосёлковского** и **кидусовского** типов.

При последовательно сохраняющейся семифонемной архаической системе гласных

под ударением система предупредного вокализма после мягких согласных может характеризоваться йканьем, которое считается более новой системой, чем различные типы яканья. Такое положение обнаружилось в записях из Хвастовичского р-на Калужской обл., говор которого сохраняет многие самые архаичные черты. Этот парадокс пока еще не находит себе объяснения.

4. В целом ряде текстов, представленных в хрестоматии южнорусских говоров, встречаются случаимены свистящих и шипящих: *зѣмуз зѣйслѣ* (Смол.), *брос^сѣит*, *жа жѣнихѣм*, *сѣѣ* (шѣл), *шѣша* (Саха) (Калуж.), *жавѣт* (завѣд), *дѣдѣуска* (Липецк.), *сѣску* (шишку) (Белгород.), *с^сарѣй* (Орл.), *люб^льцѣька* (Тульск.), форма 2-го лица ед. числа глаголов *байссѣи*, *смѣйссѣи* и т.п. – повсеместно. Подобные случаимены шипящих и свистящих в южнорусских говорах отмечались и раньше (см. [Халанский 1904: 35–48; Котков 1952: 51–52; Кузнецова 1977: 99–100]). Очевидно, что эти единичные разрозненные факты предстают как следы когда-то существовавшего в более полном виде явления – иного, чем в современных говорах и литературном языке, соотношения между рядами шипящих и свистящих согласных. Такая система, характеризующаяся полным отсутствием согласных шипящего ряда, была выявлена нами в говоре старообрядцев южнорусского происхождения, живущих в штате Орегон (см. [Касаткина, Касаткин 1998]). В хрестоматии это явление представлено в достаточно полном виде в двух текстах, записанных автором и Л.Л. Касаткиным в штате Орегон в 1996 году [Касаткина 1999: тексты №№ 50–51]. По данным американского исследователя М. Биггинса, прародина этих оregonских старообрядцев – курские земли. Л.Л. Касаткин называет более широкий ареал юго-западной диалектной зоны как место первоначального исхода турчан. Оба исследователя указывают на возможность перенесения этой диалектной черты переселенцами из Псковщины [Biggins 1987; Касаткин 1999: 353–361].

Включение в корпус хрестоматии двух записей от оregonских турчан сделало возможным представить разные ступени развития противопоставления рядов шипящих и свистящих согласных – от нулевой, характерной для архаического говора турчан, когда в фонологической системе говора существует только один ряд сибилантов вместо двух, а именно ряд свистящих (текст № 50), до степени полного противопоставления обоих рядов согласных (большинство текстов хрестоматии). В тексте № 51 представлен начальный этап развития корреляции, когда наблюдаются случаи смешения согласных обоих рядов и их взаимного замещения. Случаи, перечисленные выше в начале раздела 4, характеризуют предпоследний этап утраты этого диалектного явления.

5. Об особенностях артикуляционной базы отдельных говоров южнорусского наречия существует исследование А.М. Кузнецовой, где отмечается такая характеристика этой базы, как апикальный или какуминальный уклад языка при произношении переднеязычных согласных [Кузнецова 1977: 69]. При такой конфигурации тела языка переднеязычные согласные образуются движением кончика языка (апекса), который касается при образовании смычных согласных зоны альвеол, а не передних зубов, как это происходит в литературном языке. Следствием существования апико-альвеолярного уклада языка в ряде южнорусских говоров является появление некоторых необычных для русской фонетики согласных, ранее отмеченных в других языках со сходными характеристиками артикуляционной базы.

Мгновенные артикуляции (латеральные и зрвые). Отмечено произношение [p']-образного согласного на месте /л'/: *паде́рим* 'поде́лим' (Смол.), *да́ря* 'да́ле, да́льше', *да́ри* 'да́ли', *на ри́еси* 'на ле́се', *брино́в* 'блино́в', *рю́ба* 'Лю́ба' (Калуж.), *реши́ть* 'ле-чи́ть' (Курск.), *атта́рь* 'отте́ль, оттуда' (Белгород.), *паури́ери* 'погре́ли' (Воронеж.).

Произношение подобных согласных было нами зафиксировано и ранее в севернорусских говорах [Касаткина 1991]. Так, *p*-образный согласный был зафиксирован на месте /л/: на *рѡткѣ* 'на лодке' и [p']-образный на месте /л'/: *рысы* – 'лисы' (Волог.).

Согласные типа [p], [p'] были произнесены в южнорусских говорах на месте /т/, /т'/, /д/, /д'/: *палэсарыш* 'полосатые' (Липецк.), *Суржа* – топоним 'Суджа' (Курск.), *сварьба* 'свадьба' (Калуж.), *аринакэвыш* 'одинаковые' (Липецк.).

Подобные артикуляции были впервые обнаружены в фонетических системах, весьма далеких от славянских – языках австралийских аборигенов (см., например, [O'Grady 1960; Oates 1964]), западно-африканских языках (см. [Ladefoged 1968]). В книге П. Ладефогед и И. Мэддисона [Ladefoged, Maddieson 1996] согласным такого типа посвящены отдельные главы. Калифорнийские исследователи показали, в частности, что эффект произношения *p*-образного звука в соответствии с /л/, /л'/, /т/, /д/ и т.п. может возникать в тех случаях, когда при апико-альвеолярном укладе языка смычка более кратковременна, чем при реализации других переднеязычных. Возникает так называемый **Пар** или *tap*² – согласный того же места образования, что и перечисленные выше переднеязычные, но характеризующийся или очень коротким смыканием кончика языка с альвеолами (*tap*), или мгновенным скольжением кончика языка по альвеолам (*flap*)³. По данным П. Ладефогед и И. Мэддисона, эти согласные в свою очередь подразделяются на два класса – латеральных и *эровых*. По-видимому, и в русских говорах *p*-образные согласные, возникающие на месте *л* и *л'*, с одной стороны, и *т*, *т'*, *д*, *д'* – с другой, артикуляционно различаются как латеральные и *эровые*. Однако для русских слушателей эти различия, не подкрепленные фонологически, настолько незначительны, что все эти мгновенные согласные в совокупности воспринимаются как некие вибранты.

Возможно, что именно с таким, первоначально только речевым акустическим эффектом связаны появления лексикализованных случаев типа *колидбр*, *дилэхтор*, *ралёк*, *Хлор* (имя Фрол), *хрёлка* (хлорка), *фёршал* (фельдшер), известных многим говорам и московскому просторечию, где явления дистантной диссимиляции или метатезы плавных могли появиться в результате гиперкоррекции. В севернорусских говорах мгновенные согласные, возникшие спонтанно, закрепились в виде вибрантов в таких лексемах, как *эрак* 'эдак', *сварьба*, *усарьба*, *кларьбище*.

Во многих текстах зафиксировано произношение особого рода свистящих согласных, условно обозначенных в комментариях как "тусклые свистящие". Такие согласные напоминают шепелявые звуки, перцептивно представляющие собой нечто среднее между свистящими и шипящими (но ближе к свистящим). Эти звуки А.М. Кузнецова также связывает с характеристикой артикуляционной базы говоров: "Твердые шипящие апикального и апико-какуминального образования известны некоторым русским говорам, в которых апикальный уклад нередко характеризует всю систему переднеязычных согласных, включая взрывные и аффрикаты. Указанные образования переднеязычных щелевых относятся к согласным промежуточного типа, которые в литературе известны как свистяще-шипящие" [Кузнецова 1977: 96]. Свистящие такого тембра, отмеченные в текстах хрестоматии, можно было бы обозначать в транскрипции следующим образом: *csm*.

Можно сказать, что существование в той или иной частной диалектной системе мгновенных согласных и "тусклых" свистящих сигнализирует о характерном для этого говора апико-альвеолярном артикуляционном укладе. Естественно, что этот особый уклад проявляется и в произношении других переднеязычных согласных, что дает

² Между этими двумя артикуляционными типами существует очень тонкое различие, принимаемое во внимание далеко не всеми фонетистами: при общей зоне образования (альвеолы или постальвеолярная зона), при общем активном артикуляторе (апекс или ламина) и при одинаковой – очень краткой – длительности смычки *flap* образуется кратким движением языка по касательной вдоль зоны контакта, а *tap* – точечной мгновенной смычкой (см. [Ladefoged, Maddieson 1996: 231]).

³ См. также [Crystal 1987: 157; Laver 1994: 221–222].

определенный акустический эффект, воспринимаемый опытными фонетистами даже при простом аудировании.

6. В области синтаксиса в южнорусских говорах отмечено несколько конструкций, до сих пор считавшихся распространенными только в севернорусском диалектном ареале. Две из них будут рассмотрены подробнее.

Прежде всего, это касается вопроса об употреблении именительного падежа в роли прямого объекта. Согласно мнению ряда лингвистов, такая синтаксическая конструкция обязана своим происхождением балтийскому или финскому субстрату [Wickman 1955; Timberlake 1974]. Известная древнерусскому языку, эта конструкция широко представлена в современных севернорусских и западно-среднерусских говорах. Однако С.И. Котков отмечал ее также и в письменных памятниках южнорусского происхождения XVII века и считал, что «конструкция типа "земля пахать" в прошлом была и южновеликорусской, а не только северно- и средневеликорусской». С.И. Котков считает, что в XVII в. произошла утрата этой конструкции в области южновеликорусского наречия [Котков 1959: 52]. Согласно данным других диалектологов, в современных южнорусских говорах эта конструкция все же встречается, но чрезвычайно редко (см., например [Кузьмина 1993: 7–9]). И.Б. Кузьмина отмечает, что в большинстве случаев примеры этой конструкции, содержащиеся в материалах ДАРЯ для южнорусского ареала, имеют лексикализованный характер [Там же: 15].

Однако в текстах хрестоматии было отмечено несколько примеров свободного употребления указанной конструкции, напр., *ужэ тэдэ рубішкэ саийэш* (Смол.), *жнём пишаница* (Брян.), *пэлушыл прэмыа, принёс бутылка, фся нощь ня спім* (Ряз.), *фсю зимá анá в ётэй шуби хóдить* (Моск.), *пáрэ лэшадэй ээпряу́уть* (Воронеж.), *Тро́ица нэряжáли* (Тул.).

Можно к этим примерам добавить еще несколько, записанных Д.М. Савиновым и О.Г. Ровновой в 1999 г. в экспедиции проф. Я.П. Лохера⁴ (Берн, Швейцария) в говорах Клепиковского р-на Рязанской обл. и Венёвского р-на Тульской обл.: *А из молокá что делали? – Из мэлáкэ што? Сметáна, твóрах, мáслэ дэ́лэли; Фсю зимá их нóся* (Ряз.); *Он (крот) ни бирéть картóшка; садя́тцы ма́й рыбáты йисыть картóшка; он приийжэ́йт, картóшычкá нэсы́ндить; кэлáртскии жу́кí фсю картóшка абйидау́ють* (Тул.). Слово сочетание *всю зимá*, отмеченное дважды – в Московской и Рязанской обл., по-видимому, относится к лексикализованным случаям, которые имела в виду И.Б. Кузьмина.

Случаи *фсю зимá* и *фсю картóшка* обращают на себя внимание отсутствием согласования по падежу определяемого с определяющим, в данном случае – с местоимением. Возможность такого рассогласования делает вероятным предположение о том, что и пример из Воронежской обл., приведенный в хрестоматии – *Каку́ ж вам патéхэ рэска́зэть?* – может быть приобщен к общему списку, несмотря на то, что безударное [э] во флексии может быть реализацией фонемы /y/, а не /a/. Дело в том, что примеры с [э] в заударной позиции могут быть достаточно убедительными только в тех случаях, когда в системе говора нет редукции заударного у. В таком фрагменте, как *Он и дярúшкэ падмýшкэ, и жану́ падмýшкэ* (Воронеж.), скорее всего, заударный [э] – результат нейтрализации фонем /a/ и /y/ в безударной позиции, поскольку в стоящей рядом словоформе (*жану́*) произношение у под ударением свидетельствует об

⁴ Проф. П.Я. Лохер предпринял несколько экспедиций в поисках следов финского и балтийского субстрата в области синтаксиса в русских говорах. Он специально выбрал в южнорусском ареале территории Рязанской и Тульской областей, зная о прежних контактах населения этих мест с мордвой и балтами. Можно лишь предположить, что подобные целенаправленные экспедиции в другие южнорусские области могли бы значительно дополнить имеющийся материал по синтаксической конструкции "именительный падеж в роли прямого объекта".

использовании в роли прямого дополнения винительного падежа, как и в литературном языке, а не именительного. Следовательно, можно полагать, что в словоформах *дярúшка, падмьíшка* в конечном слоге [э] произносится в соответствии с фонемой /y/.

В речи орегонских старообрядцев южнорусского происхождения употребление именительного падежа в роли прямого объекта при личных формах глагола и при предикативном наречии *надо* отмечено неоднократно, и эти конструкции также употребляются свободно. Ср. примеры: *Там крини́шка вы́копали; Кто клубни́ка посадíл уже к осени, то уроди́лась хорошó; Мы я́мка вы́копаем, тудá ходим сы́ним; У меня́ де́ньги на доро́гу фати́ть; Нам земл́я не на́до*. Все это позволяет считать, что синтаксическая конструкция с именительным падежом в роли прямого объекта употребительна и жива до сих пор не только в севернорусском и западно-среднерусском ареалах, но и в говорах южнорусского наречия.

7. О конструкциях с краткими причастными формами с суффиксами *-н-, -т-* И.Б. Кузьмина пишет: "Двухкомпонентные конструкции, в которых имя и причастие координируют между собой, являются общерусскими. Повсеместно распространены также конструкции с именем в род. падеже и причастной формой на *-но, -то*" [Кузьмина 1993: 135].

Примеры с координирующими между собой именами и причастиями многочисленны и в текстах хрестоматии, ср., напр., *анá ляж́ить, и каля́ску свитá; нэ зямí бы́лá пэстлáта (о)ди́ла; У хáти двéри аткры́ты и сняты, и во́кны; Бали́ть пэясни́ца, пачи́му (потому что) анá изработáнэ; Ты типéрь прасв́тáнэ*. Такое употребление кратких страдательных причастий не отличает южнорусские говоры от литературного языка. Зона диалектной специфики в употреблении кратких страдательных причастий начинается там, где появляется рассогласование причастия и имени, т.е. причастие как бы воплощает безличную конструкцию. Ср. примеры И.Б. Кузьминой: *Написано грамотка не пером; А у меня свой ребёнок был взято в Сланцы; одна лощина скошено; соха было кладено* [Там же: 137].

И.Б. Кузьмина полагает, что причастия на *-но, -то* здесь "застывшие, неизменяемые образования (а не формы, которые можно непосредственно возводить к безличным конструкциям)" [Там же]. Она пишет, что территория распространения таких конструкций "практически совпадает с территорией регулярного употребления глагольных конструкций с существительными на *-а* в объектной функции" [Там же], т.е. с северо-западной территорией.

Однако с кажущимся отсутствием подобных конструкций в южнорусских говорах дело обстоит не так просто. В данном случае фонетика оказывает плохую услугу синтаксису. Действительно, если в окающих говорах в случаях типа *лощина скошено* синтаксическое рассогласование отчетливо выражено фонетически, то при акающем вокализме – на юге и в акающих среднерусских говорах – несогласованность оказывается фонетически завуалированной: [лаш':инэ скóшэна], что вполне напоминает общерусские примеры, приведенные выше. Примеры типа *Воз свежéна* более прозрачны, хотя и они могут быть восстановлены с полной формой причастия: *воз свежéн(ый)* – ведь фонетический эллипсис конечного *й* нередко отмечается в южнорусских текстах.

И все же в текстах южнорусской хрестоматии обнаружены примеры, коррелирующие с теми, которые И.Б. Кузьмина приводит для севернорусских говоров. Ср. примеры из хрестоматии: *И ко́минь (ко́минь – горизонтальный дымоход в доме от печки до трубы) кáкóй-т(о) пратя́нутэ э рука́ми эт(от) ка́менéк пэлбжуть; Тáм дярúшки бы́ли эт(о) иш изр́сьти пасу́чинэ, фся́кю крáскэй пэкрáшэна* (Воронеж.). *Бэвáлэ, вайдéш waw нíхний дом, а иш ты, убрáнэ и на́кóрмли́нэ* (Смол.). *Бы́лэ фсé вре́мя да́дена, мол, при́ка́с* (Липецк.).

По данным И.Б. Кузьминой, более распространенными в южнорусских говорах (в их

западной части) являются формы на *-виши*, *-миши*, *-иши*. Наш материал также содержит такие формы, и не только с запада южнорусской территории, ср.: *А када ужэ перьвенчѣмиши, платок тѣхтѣ во накрывають, этѣ касѣнку* (Калуж.); *Науу адну разуим, адна абѣуши* (Брян.); *Там пѣхадѣл(а), пѣпѣбирѣлѣсь, умарѣлѣсь, у шубѣнѣчьки адѣмишѣ* (Тульск.). Из рассказа о Крещенье – *Как ардѣнь рубѣли, как вадѣу брали, как папѣ. идѣть и фсѣ на свѣти замѣр(з)иши, как старики у бѣрѣдѣх идѣдѣ замѣр(з)иши* (Курск.). Только два первых из приведенных примеров совпадают с территорией, определенной Кузьминой для существования форм на *-виши*, *-миши*, *-иши* (см. [Кузьмина 1993: 136, карта № 7]).

Таким образом, можно считать, что в отношении употребительности кратких причастий на *-н-*, *-т-* южнорусские говоры не противопоставлены севернорусским и среднерусским говорам. Однако с полной уверенностью можно утверждать, что в них отсутствуют формы кратких причастий с нулевым окончанием (*сѣно свѣзѣн*, *одеѣло постлѣт*), а также конструкции здесь у *волков* *хожено*, характерные и весьма частотные для западной части севернорусской и среднерусской территории.

Подводя итог синтаксическому разделу, следует подчеркнуть еще раз, что типологически южнорусские говоры оказываются не противопоставленными севернорусским по рассмотренным двум позициям: синтаксические конструкции типа "земля пахать" и "воз свезен" представлены в обоих наречиях русского диалектного языка. Различие между двумя диалектными зонами в этом плане теперь, после введения в научный оборот нового материала, выглядит не как типологическое, но как статистическое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И. 1972 – Русский вокализм 1-го предупредного слога / Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.
- Брок О. 1916 – Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- Высотский С.С. 1976 – Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1976.
- ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках. Вып. 1: Фонетика / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М., 1986.
- Зализняк А.А. 1986 – Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. 1970 – Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Касаткин Л.Л. 1999 – Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткина Р.Ф. (ред.) 1991 – Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Севернорусские говоры // Приложение № 1 к Бюллетеню фонетического фонда русского языка. Москва; Бохум, 1991.
- Касаткина Р.Ф. (ред.) 1999 – Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.
- Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л. 1998 – Неразличение свистящих и шипящих согласных в языке русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон // Kalbotuga 46 (2). Slavistica Vilnensis. 1997. История. Язык. Культура. Сб. статей, посвященный 60-летию В.Н. Чекмонаса. Вильнюс, 1998.
- Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л. 1999 – Некоторые диалектные архаизмы в говоре орегонских "турчан" // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999.
- Касаткина Р.Ф., Шигель Е.В. 1995 – Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II, М., 1995.
- Клейменова Е.С. 1956 – Говоры южной части Калужской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.

- Котков С.И. 1952 – Заметки по консонантизму курско-орловских говоров // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. № 2. М., 1952.
- Котков С.И. 1959 – Конструкция типа "земля пахать" в истории южновеликорусских говоров // Изв. ОЛЯ. Т. 18. Вып. 1. М., 1959.
- Кузнецова А.М. 1977 – Разновидности способа образования согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Кузьмина И.Б. 1993 – Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Пожарицкая С.К. 1982 – Русская диалектология. М., 1982.
- Русская диалектология 1964 – / Ред. Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова, М., 1964.
- Русская диалектология 1973 – / Ред. П.С. Кузнецов. М., 1973.
- Савинов Д.М. 1999 – О рефлексах фонем <ѣ> и <ѡ> в говорах севера Тульской обл. // 6-я Международная конференция "Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество". Симферополь, 1999.
- Савинов Д.М. 2000 – Говоры Белёвского района (по материалам фонотеки Тульского педуниверситета) // Спонтанная речь. Kalbotyra 49 (2). Slavistica Vilnensis (в печати).
- Строгонова Т.Г. 1955 – Одна из особенностей южнорусского вокализма // ВЯ. № 4. 1955.
- Строгонова Т.Ю. 1962 – О предупредном вокализме говоров северо-запада Псковской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962.
- Хабургаев Г.А. 1975 – Географическое варьирование системных отношений как материал для исторической диалектологии // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Халанский М.Г. 1904 – Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904.
- Чекмонас В.Н. 1999 – Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории) // Kalbotyra 48 (2). Slavistica Vilnensis. 1999.
- Biggins M. 1987 – A South Russian dialect in Oregon: the "Turkish" Old Believers. University of Kansas. Ann Arbor, 1987.
- Chystal D. 1987 – The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge, 1987.
- Ladefoged P. 1968 – A phonetic study of West African languages. Cambridge, Massachusetts, 1968.
- Ladefoged P., Maddieson I. 1996 – The sounds of the world languages. Cambridge, Massachusetts, 1996.
- Laver J. 1994 – Principles of phonetics. Cambridge, 1994.
- O'Grady G.N. 1960 – New concept in Nyungumada. Some data on linguistic acculturation // Anthropological linguistics. V. 2. № 1. 1960.
- Oates L. 1964 – Distribution on phonemes and Syllables in Gugu-Yalanji // Anthropological linguistics. V. 6. № 1. 1964.
- Timberlake A. 1974 – The nominative object in Slavic, Baltic and West Finnic. München, 1974.
- Wickman B. 1955 – The form of the object in the Uralic languages. Uppsala, 1955.